

Услышав слова «дорога на тот свет», Гао Канкан резко изменилась в лице. Неужто Тан Хаодун может убить?

Она поспешила успокоить его: «Тан Хаодун, не действуй импульсивно. Ты заплатишь жизнью за жизнь!».

«Не горячись», - прыснул Тан Хаодун. «Я что сумасшедший, чтобы кого-то убивать? Пошли, укроешься от дождя!»

Тан Хаодун с Гао Канкан на руках подошел к навесу, лицом к лицу столкнувшись с Чэн Хунюанем и тощим даосским монахом. Последний испугался и съезжился, боясь пошевелиться.

Тан Хаодун уставился на толстопузого Чэн Хунюаня и саркастически сказал: «Уровень навыков нанятых вами людей недостаточно высок, и вы недооценили меня. Двадцать человек не могут заблокировать меня, нужен по крайней мере целый батальон, чтобы испугать меня».

Глаза Чэн Хунюаня сверкнули: «Я правда недооцениваю тебя. Я не ожидал, что гуру не сможет подавить твоё колдовство. Раз уж так, ты справился».

«Чэн Сяо уже с почтением извинялся передо мной, вы тоже можете. Если вы будете достаточно искренни, а голос будет звучать достаточно громким, кто знает, может я отпущу вас».

Чэн Хунюань впился гневным взглядом в Тан Хаодуна, намеренно распрямляя его спину и упрямо сказал: «Нет! Да! Да! Ты всего лишь сосунок, у которого молоко на губах не обсохло. Я сдаюсь сегодня, но никогда не приму твое оскорбление».

В конце концов, Чэн Хунюань являлся миллиардером. Он монополизировал бизнес по производству одежды в трех провинциях Северного Китая. Он обладал гордостью и достоинством бизнесмена и не мог принять унижительных требований Тан Хаодуна.

Тан Хаодун криво усмехнулся: «Звучит так, как будто вы имеешь право говорить передо мной о достоинстве и престиже, вы с сыном действительно одинаковые. Вы, черт возьми, миллиардер, и поскольку ваш отброс-сын не мог одолеть меня, вы сами взяли за меня. Вам не стыдно вмешиваться в наши разборки? Или нравится бороться с молодежью? Вы избаловали Чэн Сяо. Я просто помогаю с его воспитанием, с которым вы не справились. Ему повезло встретить такую добрую душу, как я. Если бы ты столкнулся с кем-то другим, он бы уже лишился жизни!»

Тан Хаодун говорил без умолку и Чэн Хунюань не знал куда себя деть от стыда.

Позор! Настоящий позор! Чэн Хунюань никогда не забудет эту ночь.

Мужчина ничего не сказал, он поднял свою толстую голову, показывая этим последние крохи гордости.

Тан Хаодун презрительно фыркнул и указал пальцем на роскошную машину Чэн Хунюаня, обращаясь к Гао Канкан: «Садись в машину, чтобы не простудиться».

Девушка не хотела отходить от него и некоторое время не двигалась.

«То, что я собираюсь делать дальше, не для твоих глаз, поэтому тебе лучше сесть в машину. Отдохни пока, а я отвезу тебя обратно в школу, когда закончу».

Тан Хаодун успешно выпроводил Гао Канкан.

Парень уставился на тощего даосского монаха: «Гуру, можете сделать одолжение?»

Монах трепетал от страха, его голос дрожал: «Сделать ... что?»

«Помогите мне достать нож и принесите веревку. Если веревки нет, снимите с этих головорезов одежду».

Монах не знал, чего добивается Тан Хаодун, но из-за могущества, которое Тан Хаодун только что продемонстрировал, он дрожащим голосом кивнул: «Да! В машине есть веревка, я достану ее для вас».

Тан Хаодун остался довольный, указал пальцем на Чэн Хунюань и приказал монаху: «Разденьте его догола и подвесь за ноги на дерево!»

«А?» - удивлены были и худощавый монах, и Чэн Хунюань.

Тан Хаодун ударил ногой монаха в лицо: «Быстрее! Неужели это слишком сложно для ваших старых костей?»

Тот схватился за свой кровоточащий нос, раздел догола Чэн Хунюаня и повесил его на дерево.

Чэн Хунюань с головы до пят намок под дождем и яркий свет от автомобильных фар освещал его, как большую откормленную свинью.

Это было большим унижением для Чэн Хунюаня: он никогда не думал, что однажды его разденут догола, а его самого подвешат вверх ногами.

Тан Хаодун жестоко разделался с достоинством Чэн Хунюаня, успешного человека. Мужчина чувствовал себя хуже некуда. Он мог выдержать побои и оскорбления, но не такой позор.

<http://tl.rulate.ru/book/44089/1138630>